

Содержание

От редакции	7
Раздел 1. Культура согласия	13
Говори «да» как философ: почему проблема согласия так важна сегодня и как ее решают ученые.....	16
Нет значит нет: как культура согласия меняет наше общение и психологию	29
«Задержитесь после пары»: нужно ли запретить любовь и секс студентов с преподавателями?	42
Раздел 2. Насилие в отношениях	57
Изображая жертву: почему борьба с харассментом приводит к эскалации насилия.....	60
Бездействие – тоже насилие: что такое неглект и как он разрушает наши отношения.....	75
Кругом сплошной абьюз: почему мы все чаще боимся вступать в отношения?.....	91

Раздел 3. Новая этика	105
От борьбы с харассментом к сражению за карантин: как новая этика учит нас бояться других и бежать от свободы	108
Темная сторона эмпатии: почему сопереживание само по себе не делает лучше ни нас, ни окружающий мир	117
Раздел 4. Как изменится семья	125
«Я – синглтон»: почему людям для счастья больше не нужны отношения	128
Родство не по крови: что такое семейный аболиционизм и как массовое суррогатное материнство может изменить мир	137
Мама следит за тобой: как цифровой контроль меняет отношения детей и родителей	150
Раздел 5. Новые привычки	163
Искусство медленного чтения: как научиться понимать больше, а забывать – меньше	166
«Многознание уму не научает»: как перестать собирать факты и начать мыслить	182

Раздел 6. Новые подходы к обучению 197

В школу ни ногой: как устроен хоумскулинг
и почему он эффективнее обычной
школьной учебы..... 200

Worldschooling: путешествия вместо школы,
или Как успевать учиться, если твоя семья
все время в дороге..... 216

Раздел 7. Новая справедливость 239

Отсутствие секса, депрессия, маразм:
пять эйджистских стереотипов о пожилых людях,
которые пора забыть 242

Как решают проблему бездомных
животных в России и на Западе и что делать,
если хочешь помочь..... 253

Раздел 8. Перспективы новых поколений 267

Пожилые одинокие эгоисты, гедонисты
и зожники: какой будет старость миллениалов 270

Поколение альфа: почему дети миллениалов
разрушат гендер, спасут планету, освоят
пять профессий и доживут до ста лет 279

Раздел 9. Как меняется наш труд	297
Мой работодатель — искусственный интеллект: как слежка и сбор данных превращают работников в рабов.....	300
Швец/жнец: что такое слеш-карьера и как она поможет вам выжить в будущем.....	315
Фриланс как тюрьма: что такое прекарность и почему нам стоит ее избегать.....	321
Раздел 10. Уроки пандемии	329
«Все на борьбу с коронавирусом»: почему война с эпидемией приводит к тотальному контролю над людьми.....	332
«Хочу, чтобы пандемия длилась всегда»: почему некоторым людям с психическими расстройствами полегчало на карантине.....	339
Шекспир, скворцы и коронавирус: почему пандемия рано или поздно должна была случиться — и виноват в этом человек	348
Источники	356

От редакции

В XX столетии мир полностью изменился, но уже первое двадцатилетие нынешнего века показало, что нам предстоит еще более масштабные перемены — не только в сфере технологий, но и в общественных отношениях. Некоторые сдвиги последних лет оказались настолько радикальными, что мало кто пока может по-настоящему оценить их значение и возможные последствия. Правила жизни в новом мире нам еще только предстоит сформулировать — и эта книга посвящена тем тенденциям, в которых необходимо разобраться, чтобы встретить стремительно наступающее будущее во всеоружии.

Повсеместное проникновение интернета дало людям бесконечные возможности для саморазвития и самореализации. Социальные сети связали между собой тех, кто разделен пространством, каждый получил возможность ощутить связь с человечеством, сравнить собственные идеи и ценности с убеждениями других. Следующим шагом стало формирование в интернете инфраструктуры, которая запустит и будет поддерживать новую волну социальных перемен.

Коллективно пополняемые информационные ресурсы, независимые блоги, чаты в защищенных мессенджерах и популярные хештеги превращают каждый акт коммуникации в каплю, которая вливается в общий поток. В итоге на любую личную трагедию могут откликнуться тысячи сочувствующих по всему миру, любое частное высказывание может вызвать реакцию, сопоставимую по последствиям с влиянием крупнейших СМИ и работой высокооплачиваемых специалистов, формирующих общественное мнение. Кампании в соцсетях помогают спасти жизни, привлекают внимание к вопиющим проявлениям

жестокости и несправедливости и дают возможность противостоять влиятельным людям и организациям, слишком явно игнорирующим правила человеческого общежития. Но при этом они же выращивают радикалов, разрушают жизни, собирают лояльную аудиторию вокруг мошеннических проектов, плодят фейки и способствуют распространению мракобесия. Массы получили возможность говорить во весь голос и без посредников, но всегда ли они в состоянии рационально использовать обрушившиеся на них возможности?

Равный доступ к информации, простота в создании и распространении контента, отсутствие саморегуляции интернет-сообществ и зачастую алогичная политика соцсетей, основанная на алгоритмах (Facebook одной рукой банит за изображения античных статуй, поскольку они неодеты, а другой размещает рекламу эротических услуг), приводят к перераспределению влияния: от квалифицированных экспертов с глубокими знаниями и опытом оно постепенно переходит к тем, кто лучше умеет упаковывать и подавать информацию, кто пишет быстрее и драматичнее, шутит народнее, выглядит ярче, кричит громче и помнит, что аудиторию всегда можно купить. Многие ли выиграют от того, что подобные «популисты» станут определять вектор развития мира?

Такое переформатирование публичного пространства вкупе с падением влияния традиционных медиа приводит к появлению невиданного доселе пространства возможностей. В нем можно как манипулировать социумом в интересах крупного капитала, так и устраивать информационные бури в частном порядке и без особых затрат, а пиар-специалистам и политтехнологам всего проще подменять решение проблем в реальном мире их виртуальными обсуждениями.

Столь популярная сейчас новая этика — плод благих намерений, который в теории должен безупречно служить гуманизму и прогрессу. При этом она сводится к ограниченному набору практик

для установления равноправия и ликвидации малейших проявлений несправедливости, которые по факту производят заодно новую несправедливость и новых недовольных. Мы не можем игнорировать эту тенденцию и должны стремиться к тому, чтобы просветительская работа с анализом всех возможных нюансов и противоречий послужила более вдумчивому и рациональному применению этой этики.

Безусловно, угнетенным группам нужны не только равные права, закрепленные в законодательстве, но и реально работающие инструменты их реализации, эффективные способы, позволяющие избежать насилия, дискриминации и исключения из значимых социальных процессов. Однако, чтобы инструменты новой этики заработали, активистам придется и действовать по-новому: не допускать, чтобы борьба с угнетением превращалась в угнетение угнетателей, ориентироваться на изменение законодательных норм, а не на остракизм отдельных персон, апеллировать к рациональным доводам, а не к эмоциям, и объединяться ради системных изменений.

Отрицательные стороны новой этики — это, по сути, наследие этики старой, которая, будучи неотделимой от духа капитализма (воспевающего победителей и неизбежно порождающего проигравших), дала нам лишь ограниченный гуманизм и недостаточную способность к сопереживанию тем, кто так или иначе от нас отличается. Отсюда и перегибы, которые приводят к поляризации общества: вчерашние аутсайдеры, взобравшись наверх, начинают дискриминировать оказавшихся внизу так же, как прежде дискриминировали их.

Мы полагаем, что в этих условиях особенно важно сформировать общий язык, который бы адекватно описывал происходящее, и выработать инструменты для взвешенной оценки проблем и их потенциальных решений — в масштабах всего человечества, а не отдельных групп. Это возможно лишь с привлечением экспертов и на основе данных исследований, рациональных

дискуссий и достоверной информации о текущих реалиях — все это следует смешать и подавать, щедро полив критическим мышлением.

В этой книге мы постарались не только рассказать о новых тенденциях в развитии общества и о социальных феноменах последних лет, но и осветить их теневую сторону, которую часто предпочитают не замечать. Так, переоцененная массовой культурой способность к эмпатии не только порождает доброе отношение к ближнему, но и позволяет навязывать ему свои взгляды и решения, а позиция жертвы не только дает возможность требовать расплаты с обидчиком, но и нередко развязывает пострадавшему руки и превращает жертву в насильника.

Во многих частях этой книги так или иначе затрагивается тема психологических границ и баланса между правом одних и свободой других — важнейшая проблема современности, которая лежит в основе ключевых общественных движений наших дней, от канселлинга до BLM, от борьбы за возможность самостоятельно определять свой гендер или обходиться без него до обусловленного экологической ситуацией выбора между бытовым комфортом и выживанием наших потомков. В определенной степени и другие нововведения затрагивают свободу самовыражения: кого-то раздражают люди, которым комфортно без пары, кто-то считает блажью домашнее обучение, кому-то досадно от мысли, что все вокруг ориентируются на миллениалов и малопонятное поколение Z, забывая, что люди предшествующих поколений тоже важны. Одни закрывают глаза на происходящее на рынке труда и нервно твердят, что роботам никогда их не заменить, вторые возмущаются ограничениями, которые государства накладывают на их жизнь в рамках борьбы с пандемией коронавируса, а третьи пытаются подавить в себе чувства к симпатичному преподавателю, который теперь вынужден общаться со студентками подчеркнуто сухо.

Любые изменения такого рода кому-то придется не по вкусу и вызовут эмоциональную реакцию, которая в обществе победивших соцсетей распространяется подобно ударной волне. Именно поэтому мы решили выпустить эту книгу: чтобы предложить альтернативу хаосу эмоций. Рациональные аргументы, критическое мышление и взвешенная дискуссия — изобретение не очень новое и не очень модное, но по-прежнему незаменимое.

Раздел 1

Культура согласия

Культура согласия — одно из важнейших понятий, которые появились в общественном дискурсе за последние несколько лет. Ее противопоставляют культуре насилия — физического и психологического, сексуального принуждения и манипуляции человеком с корыстными целями. Культура согласия предполагает такую этическую систему, в рамках которой люди взаимодействуют исключительно по обоюдному уговору и полностью отдают себе отчет в том, как нужно отказывать и принимать отказы.

Теоретически — звучит просто, ничего нового тут нет. Однако на практике оказывается, что у наших современников все еще полно вредных предрассудков и укоренившихся привычек, чреватых злоупотреблениями. Например, известное выражение гласит: «Когда женщина говорит „нет“, это означает „может быть“, когда говорит „может быть“, это значит „да“». Представители старших поколений воспринимают его как шутку о женском кокетстве — а современные девушки возражают, что это карт-бланш на изнасилование для не слишком интеллектуальных мужчин.

В этом разделе мы разберем, что значит согласие с философской точки зрения (все гораздо сложнее, чем кажется), как это понятие осмысливается применительно к практикам сексуальности (нет, никто всерьез не предлагает подписывать договор перед близостью) и почему отношения между студентами и преподавателями, которые находятся в этической серой зоне, едва ли стоит огульно переводить в зону черную: хотя нормализовать их по одному простому шаблону не получается, из этого следует не то, что согласие переоценено, а то, что нам еще многое предстоит осознать, принять и изменить.

Говори «да» как философ: почему проблема согласия так важна сегодня и как ее решают ученые

Чаще всего мы слышим о согласии от феминисток и секс-блогеров — важно спрашивать у партнеров, хотят ли они заняться сексом. Однако проблема согласия гораздо шире: «да» в ЗАГСе изменит ваш правовой статус, а бездумно поставленная в пользовательском соглашении галочка приведет к утечке персональных данных. Отсюда растут ноги современной философии согласия, одна из главных задач которой — научить нас взаимодействовать так, чтобы «да» не принималось за «нет», а «нет» за «да».

Почему тема согласия стала такой актуальной?

Согласие становится одной из главных правовых и моральных проблем эпохи Четвертой промышленной революции. Мы все больше используем технологии в разных сферах жизни, и, как следствие, они знают о нас даже больше, чем родные мама и папа: где мы, что делаем, как долго, с кем и о чем общаемся.

Защита личных данных и то, что именно мы разрешаем технологиям делать с персональной информацией, — частные вопросы согласия.

Мы добровольно регистрируемся в социальных сетях и используем их как инструменты общения, но это вовсе не означает, что мы согласны, чтобы все наши переписки, фотографии и видео владельцы соцсети использовали в своих целях. Мы хотим конфиденциальности и приватности, а потому неудивительно, что споры о согласии на предоставление личной информации становятся все более актуальными: в Европе принимаются законы о защите личных данных, в Америке судятся с Facebook из-за того, что компания собирала и продавала информацию о пользователях без их ведома.

О согласии заговорили в нашу эпоху еще и потому, что все больше людей могут давать или не давать согласие — вернее, согласие и несогласие все больших групп людей учитывается. Еще сто лет назад женщин, детей, чернокожих и другие незащищенные группы людей ни о чем не спрашивали.

Да и отношение между государством и его гражданами не так давно было другим: о том, что политики, принимая решения, прежде всего должны опираться на волю своих сограждан, заговорили относительно недавно, в Новое время. В Средние века считалось¹, что власть правителя дана ему Богом, а потому ему не нужно заручаться согласием своего народа. Древнегреческий философ Платон писал, что государством должны управлять самые мудрые (такowymi он считал философов), в то время как все остальные не должны мешать их работе (читай: никто их ни о чем спрашивать не должен). Схожих взглядов придерживался и Аристотель, который опасался, что власть будет спрашивать согласия у слишком большого количества людей. Согласие раньше было мало популярной темой, так как его вообще редко кто спрашивал.

Зачем размышлять о согласии?

У нас есть интуитивное понимание, что такое согласие. Чаще всего мы определяем его так: соглашаться — это доброволь-

но разрешать другому человеку или группе людей сделать что-то такое, что обычно не разрешено и напрямую касается нас и наших прав.

Например, мы даем согласие парикмахеру поменять нам прическу и ожидаем, что тот нас подстрижет, — а без нашего согласия парикмахер, гоняющийся за нами с ножницами, выглядит, мягко говоря, ненормально, и мы можем подать на него в суд. Мы говорим другу «да» — он приходит к нам в гости, и мы отлично проводим время, а вот нежелательным и неожиданным гостям вряд ли будем рады.

Философы любят говорить, что согласие — это «моральная магия»: оно превращает то, что раньше было запрещено, в разрешенное.

Парковаться на чужом месте — плохо, но если сосед дал согласие — хорошо. Тащить человека за руку по парку без его согласия — это насилие, но если он согласился — то свидание.

Согласие — это основа любой этической и социальной теории. Его также изучают в юриспруденции, бизнесе и биоэтике.

Благодаря согласию мы можем жить в обществе и работать сообща, строить личные и профессиональные отношения, а потому нам всем так важно выяснить, что же такое согласие, кто может это согласие давать и как отличить все те ситуации, когда согласие было дано, а когда — его не было.

И что непонятного в согласии?

Обычно наше «да» значит «да» — и ничего больше. В идеале обе стороны соглашения должны это понимать и слышать друг друга. Но наша культура, социальные роли, стереотипы, правила и многое другое вносят свои коррективы: и иногда, говоря «да», люди могут иметь в виду «нет».

Например, современный британский философ Том Догерти в коротком видео для Wireless Philosophy объясняет², поче-

му согласие не всегда означает на самом деле желание делать (или не делать) что-то. Мы можем не любить коллегу, но, поскольку того требуют правила приличия (или мы просто не хотим вступать в открытый конфликт), согласимся прийти к нему на вечеринку — даже если нам хочется сказать «нет».

Иногда мы можем говорить «нет», хотя на самом деле имеем в виду «да». Например, если мы не хотим приглашать всю компанию на чай, то откажем в приглашении домой всем, даже если среди приятелей есть и те, с кем мы не против продолжить вечер.

Конечно, в идеальном обществе все будут соглашаться, только если действительно этого хотят, и отказываться, если не хотят. Но пока нам стоит помнить обо всех этих нелогичных случаях и включать их в теорию, чтобы она была полной и описывала не только воображаемый идеальный мир.

При чем тут философия?

Для всяких спорных случаев есть юриспруденция. А вот то, как понимается согласие законом, зависит от конкретной культурной и социальной ситуации. Если в обществе женщины не считаются равноправными членами, то их даже спрашивать о согласии не будут, а значит, просто исключат из теории. Даже если в недавнем прошлом это могло показаться справедливым, сейчас это не так — и все благодаря постоянной критике и рефлексии, чем философия и этика занимаются.

Эти дисциплины рассматривают даже те случаи, о которых мы можем и не задумываться как о случаях согласия. Например, могут ли давать согласие дети — своим родителям; в чем отличие словесного согласия от кивка головы или улыбки; навязывает ли нам что-то контекстная реклама — или мы сами соглашаемся купить товар, и т. д.

Это помогает глубже понять природу согласия, чтобы постараться определить его в целом, а не для конкретного общества.

Современные философы выдвинули две теории согласия: поведенческую (expressive/behavioral/performative theory of consent) и субъективную (mental/attitudinal/subjective theory of consent).

Что такое поведенческая теория согласия?

В соответствии с поведенческой теорией для согласия всегда нужны две составляющие:

- **наше внутреннее «да», то есть наше желание что-то делать или не делать;**
- **вербальное или невербальное выражение этого «да», то есть произнесение согласия вслух, кивок головы, улыбка, подписание бумаг и т. д.**

В целом согласие в реальной жизни как-то так и выглядит: мы мысленно соглашаемся на что-то, а затем удобным для нас образом доносим это до собеседника с помощью речи или жестов.

Философы, которые поддерживают эту теорию, например Алан Вертхаймер, акцентируют³ внимание на выражающем аспекте и считают его необходимым для того, чтобы согласие состоялось. Однако они спорят о том, как же его выразить правильно.

Невербальный язык и жесты могут означать разное: иногда улыбка — это просто улыбка, а кивок головы — всего лишь подтверждение, что мы внимательно слушаем собеседника, но не согласие с тем, что он говорит. С невербальными жестами вообще нужно быть осторожными: не стоит забывать про культурные различия и индивидуальные особенности.

Потому некоторые исследователи поведенческой теории согласия настаивают: выражение согласия должно быть только вербальным. Улыбки, кивки и другие невербальные жесты — слишком двусмысленны и ненадежны, а потому уж лучше повториться и сказать «да», даже если жесты и так это за тебя

сказали. Ведь в противном случае цена слишком высока: нарушение морали, а иногда и закона.

Впрочем, за это защитников данной теории и критикуют: не всегда есть время или возможность переспросить, некоторых людей это раздражает и портит момент, да и, в конце концов, проблема понимания других людей, их речи, жестов и поступков — это не только проблема согласия. Ученые и философы исследуют, какую роль играет коммуникация в понимании других людей и их желаний и как же нам это понимание улучшить.

Что такое субъективная теория согласия?

Выражающий аспект согласия проблематичен, поэтому часть философов предлагают его вообще отбросить как необязательный. Конечно, хорошо, когда согласие еще подкреплено словами или невербальными знаками, но самое главное — это все-таки наше внутреннее «да».

Например, если мы внутренне согласны пойти в кино и вообще хотим этого, а наш партнер нас туда отводит не спрашивая, это не является насилием. В конце концов, если бы нам приходилось спрашивать обо всем на свете, мы огромную часть жизни проводили бы в подобных уточняющих разговорах.

Из-за того, что ментальная теория согласия фокусируется только на наших мыслях, желаниях и чувствах, такое согласие трудно изучать. Иногда мы и сами не знаем, согласны мы или нет. Что уж говорить о случаях, когда сначала мы согласились, а потом передумали? Пока что у исследователей нет однозначного ответа, как рассматривать такие ситуации.

Кроме того, теоретики, работающие в рамках этой теории, спорят об отличиях согласия, данного под влиянием чувств, и согласия как рационального взвешенного решения⁴. Например, Катя любит Петю, и тот целует ее в парке под луной. Девушка не против, потому что она влюблена и хочет физической бли-

зости, однако ее согласие — не результат взвешенного продуманного решения: гормоны, чувства, эмоции, романтический контекст подтолкнули ее к тому, чтобы хотеть этого. Совсем другое дело, когда Катя соглашается написать статью: она понимает, что статья станет отличным стартом для ее карьеры, а также поможет ей развиваться в профессиональном плане. Ее согласие на этот раз — результат рационального решения, принятого не под влиянием чувств.

Выдуманная ситуация с Катей не кажется такой уж проблемной: мы много чего делаем под влиянием эмоций, а не одного только разума, и это не всегда портит жизнь. Но важно помнить, что эти два вида согласия отличаются, да и сама Катя будет по-разному их оценивать.

Большой вклад в философию согласия внесли споры о том, можно ли оценивать вызывающую одежду или определенное поведение как согласие на секс или даже призыв к сексу. Этот вопрос обсуждается в основном в рамках поведенческой теории, потому что показывает важность вербального выражения согласия.

Распространенность стереотипа о том, что по виду и поведению можно «считать» согласие, приводит не только к неприятным конфузам и скандалам, но и к случаям насилия. Это показывает, что невербальные знаки — слишком двусмысленны и считываются разными людьми по-разному в зависимости от их культуры, воспитания и жизненного опыта. Потому не стоит воспринимать определенный вид или поведение как невербальный знак, а лучше заручиться вербальным выражением.

Есть ли «правильное» согласие?

Как видите, согласие — это не так уж просто, поэтому стоит учитывать личность человека, отношения, контекст и культуру, давая или спрашивая согласие.

Упомянутый выше философ Том Догерти вообще предлагает думать о согласии не как о двух противоположностях «да» и «нет», а как о спектре. Давая согласие в реальной жизни, мы обычно попадаем куда-то между ними, например, склоняемся больше к «да», чем к «нет», или вообще оказываемся ближе к середине, сомневаясь.

Нужно уметь определять примерную точку на этом спектре, чтобы принимать верные решения.

Кто может дать согласие?

Согласие могут давать не все, не всегда и не на все.

Для того чтобы соглашаться, нам нужно обладать автономией, то есть способностью распоряжаться самостоятельно своей жизнью и делать то, что нам хочется. Кроме того, общество должно признавать за нами нашу автономию: уважать наш выбор и позволять нам поступать в соответствии с ним.

Когда еще столетие назад у женщин не было прав в обществе, они не обладали автономией, а значит, не могли соглашаться в современном понимании: их «да» было всего лишь формальностью. Например, это не Маша соглашалась на брак — за нее это делали родители.

Кроме того, не на все можно и согласиться. Британский философ XIX столетия Джон Стюарт Милль пишет, что мы не можем согласиться на отречение от своей свободы и автономии, ведь с того момента, как мы на это согласились, мы утрачиваем их навсегда. Но автономия и свобода — базовые ценности, это условия для того, чтобы мы вообще могли соглашаться на что-то. Потому из них нельзя сделать объект согласия.

«Действия индивидуума, касающиеся только его самого, признаются не подлежащими ничьему вмешательству единственно из уважения к его индивидуальной свободе; <...>».

Но продажа себя в рабство есть отречение от своей свободы; это — такой акт свободной воли индивидуума, которым он навсегда отрывается от пользования своей свободой, и, следовательно, совершая этот акт, он сам уничтожает то основание, которым устанавливается признание за ним права устраивать свою жизнь по своему усмотрению. С минуты совершения этого акта он перестает быть свободным и ставит себя в такое положение, которое не допускает даже возможности предположить, чтобы он мог оставаться в нем по своей воле».

Джон Стюарт Милль, «О свободе»

Впрочем, автономию и свободу мы признаем не за всеми: маленькие дети не обладают ими в том же объеме, что и взрослые. Да и сами взрослые в состоянии алкогольного опьянения или под действием наркотиков вряд ли способны принимать адекватные решения, а потому теоретики изучают такое понятие, как имеющее силу согласие (valid consent).

Какое согласие имеет силу?

Согласие считается действительным, если выполняются такие критерии:

- у тех, кто его дает, есть все необходимые когнитивные способности для этого. Проще говоря, это взрослые люди, мыслящие рационально и не находящиеся под влиянием каких-либо затуманивающих разум веществ. Дети, люди с психиатрическими заболеваниями, пьяные и т. д. не могут трезво оценить ситуацию, а значит, не могут дать имеющее силу согласие;
- те, кто соглашается, должны делать это добровольно. Если я соглашаюсь на что-то под дулом пистолета, понятное дело, мое согласие не может считаться настоящим.

Согласие, полученное в результате любого рода насилия, в том числе психологического, не считается действительным;

- люди, соглашающиеся на что-то, должны обладать полной и достоверной информацией относительно того, на что они соглашаются. То есть, если я прошу моего соседа присмотреть за моим котом, не сообщая ему, что у меня, вообще-то, не один, а пять котов, мой сосед не может дать действительное согласие: ведь он не знает всех деталей. Сюда же, конечно, относятся все те случаи, когда мы обманываем или что-то не договариваем, манипулируем и не рассказываем все честно с целью склонить ситуацию в свою пользу. Даже если люди соглашаются на что-то в таком случае — их согласие недействительно.

Однако не все теоретики согласны со всеми этими критериями, да и не всегда в реальной жизни их возможно выполнить. Например, мы часто соглашаемся на что-то, когда пьяны, и не всегда так уж жалеем о нашем решении, как это представляют философы, которые утверждают, что только трезво мыслящие люди могут давать настоящее согласие.

Много споров ведется о том, могут ли люди с психиатрическими заболеваниями давать согласие или нет. Некоторые философы, например Лиция Карлсон⁵, считают, что несправедливо отказывать им в праве на согласие и таким образом относиться к ним как к детям.

Впрочем, и с детьми не все понятно. Определить, в каком возрасте мы становимся полноценными взрослыми, — та еще задача, и наши взгляды на нее постоянно меняются: с одной стороны, возраст сексуального согласия стал ниже, с другой — психологи все больше говорят о том, что миллениалы поздно взрослеют. А потому нельзя сказать, что теория действительного согласия окончательно сложилась: она все еще разрабатывается.

Для кого важно действительное согласие?

Все эти критерии согласия важны для юристов, ведь для того, чтобы договор вступил в силу, стороны должны рационально оценить ситуацию, знать все детали, а также дать согласие добровольно.

Например, в Европе недавно пересмотрели закон и запретили писать длинные и непонятные условия пользовательских соглашений, полные сложных юридических терминов. Важно, чтобы пользователь продукта или услуг точно понимал и знал, на что он соглашается, а потому условия соглашений должны быть короткими и понятными для непрофессионала.

Также о действительном согласии много говорят биоэтики и философы, занимающиеся этикой медицины⁶. В современном мире важно, чтобы пациент давал свое действительное согласие на медицинские процедуры; если он по каким-либо причинам не может этого сделать — за него согласие дают родственники или доверенное лицо.

А ведь еще до Второй мировой войны в медицинской этике действовало правило «врач знает лучше», в некоторых странах это до сих пор актуально, а древнегреческий врач Гиппократ вообще советовал:

«Делайте все спокойно и упорядоченно, скрывая большинство вещей от пациента, пока его лечите. Давайте только ту поддержку, которая нужна, отвлекая его внимание от собственных обстоятельств; в одном случае упрекайте его резко и строго, а в другом — утешайте его заботой и вниманием, не раскрывая ничего о его будущем или настоящем состоянии».

Гиппократ, *Decorum*

Врач должен был лгать пациенту о его состоянии, если это шло на пользу лечению, ведь пациенту отказывали в автономии.

Все поменялось после Нюрнбергских процессов, когда было принято решение предотвратить любые манипуляции и насилие со стороны врачей. Теперь в медицине пациент имеет право знать все подробности своей ситуации и самостоятельно соглашаться или отказываться от процедур.

Что почитать, чтобы узнать больше о согласии

Мы все еще мало что знаем о согласии. Лишь недавно его стали изучать как самостоятельный термин в этике и философии, а потому предстоит провести еще много исследований, чтобы уточнить и улучшить согласие между людьми.

Вот список современных научных статей в открытом доступе, посвященных согласию:

John Danaher

Philosophy of Consent and Sexual Assault⁷

По ссылке — собрание статей современного аналитического философа Джона Данахера, посвященных согласию на секс. В них он разбирает и сложные случаи, например согласие на секс, если кто-то из партнеров пьян или же когда один из партнеров обманывает другого. Кроме того, он рассуждает о том, что известный философ Джон Роулз сказал бы о согласии на секс.

Robin West

Sex, Law and Consent⁸

Статья посвящена разбору согласия на секс и того, как это применяется в этике и праве. Уэст также исследует, как желание может повлиять на нашу оценку секса, который случился без согласия, и возможно ли хотеть секса, но при этом на него не соглашаться.

Joseph Millum, Danielle Bromwich

Understanding, Communication, and Consent⁹

В этой статье философы Миллум и Бромвич обсуждают достоверное согласие и то, какую информацию нужно предоставить, чтобы оно состоялось.

Nafsika Athanassoulis

The role of consent in sado-masochistic practices¹⁰

Атанассоулис разбирает частный случай согласия на насилие в БДСМ-практиках и его особенности.

Наталья Ульянова

Нет значит нет: как культура согласия меняет наше общение и психологию

Значимость согласия для многих сегодня уже очевидна — для многих, но далеко не для всех. Путь, ведущий от культуры насилия к культуре согласия, не так уж прост: только благодаря развитию и популяризации определенных философских идей установка «нет значит нет» приобрела существенный вес, а те изменения, которые с ее помощью происходят в нашей психологии прямо сейчас, рано или поздно коснутся каждого.

Волна историй, объединенных хештегами #MeToo и #янебоюсь-сказать¹, подняла в обществе крайне важный вопрос о границах допустимого в общении — особенно в общении с романтическим подтекстом. Представления о том, что можно и что нельзя, могут быть совершенно разными даже у людей, живущих в одном и том же правовом и культурном поле.

Если вы хоть раз читали комментарии к новостям об изнасиловании, наверняка встречали такое: «Да она сама этого хотела, а теперь строит из себя жертву!» Это ярко иллюстрирует, каким магическим действием обладает согласие: его предполагаемое наличие может превратить уголовное преступление в ничего не значащий эпизод. Поэтому сейчас, когда мы только учимся

определять границы согласия, вопрос о том, что это такое, вызывает ожесточенные споры не только в соцсетях, но и в научных и общественных кругах. Почему так происходит?

Давайте вспомним, как культура насилия сменилась культурой согласия и в законах каких стран это отразилось.

Понятие «культура согласия» (consent culture²) появилось благодаря феминистскому дискурсу. Исследовательницы противопоставляют его социальному феномену «культура насилия» (rape culture³) — это поощрение и нормализация отношений, построенных по принципу «кто сильнее, тот и прав».

Самые важные черты культуры насилия:

- возложение ответственности на жертву — многочисленные «Сама виновата», «Знала, куда шла», «А она думала, ее правда кино смотреть позвали?»⁴;
- нормализация насилия в массовой культуре — убеждение, что насилие является обычной и даже забавной частью жизни, которое люди распространяют через визуальные и кинематографические образы⁵, юмор⁶ и пр.;
- обезличивание насилия — отказ фокусировать внимание на личности агрессора при обсуждении ситуаций насилия (от новостных заголовков вроде «За что и как была убита женщина доцента Соколова» до прямо высказываемой мысли «Зачем обсуждать насильника, с ним и так все понятно, давайте лучше поговорим о том, что неправильного было в поведении жертвы»);
- виктимизация определенных групп людей — распространенное убеждение, что насилие допустимо⁷ в отношении некоторых групп людей: детей («Поменьше корми, побольше пори — человеком вырастет»), женщин («Бей бабу молотом, будет баба золотом»), сексуальных меньшинств и т. д.;
- романтизация агрессии — трансляция стереотипа о том, что в романтических отношениях нормально «завоевывать» и «добиваться» партнера, игнорировать отказ и т. п.

Модель «Нет значит нет»

С развитием феминистского движения все больше стали обсуждать проблему незащищенности женщин от разных видов насилия, в первую очередь сексуального. В результате исследовательницы предложили новую модель отношений, лозунгом которой стало «Нет значит нет».

Это означает, что для того, чтобы один человек прекратил как-либо воздействовать на другого, должно быть достаточно вербального несогласия второго. Продолжение воздействия (нежелательные прикосновения, двусмысленный разговор и т. п.) вопреки возражениям человека в такой системе однозначно маркируется как насилие.

Эта норма — ответ на принятое в обществе пренебрежение к женскому сопротивлению, которое транслируется многочисленными культурными стереотипами. Его можно увидеть как в бытовом «Женское „нет“ означает „да“», так и в псевдопсихологическом «Все девушки знают международный женский язык: „нет“ означает „может быть“, „может быть“ — „да“».

Формула «Нет значит нет» может применяться не только в отношении женщин: уважение к отказу вполне вписывается в норму детско-родительских, партнерских, межкультурных и других отношений.

Но эта модель имеет существенный недостаток: оказалось, что в силу различных обстоятельств жертва насилия не всегда может сказать нет. Это может быть невозможно по чисто физиологическим причинам: например, когда насильник подмешивает наркотики в напиток жертвы, после чего ее сознание отключается.

Однако гораздо чаще причины, по которым жертва не может сказать свое «нет», психологические: если озвучена (или подразумевается) угроза ее жизни и здоровью; если насильник

давит авторитетом или статусом; если она уверена в собственной беспомощности и т. п.

Можно ли считать добровольным сексуальный акт в подворотне, если он предваряется небрежным поигрыванием пистолетом? А растление девочки-подростка отцом, от которого зависит ее жизнь в ближайшие пять-шесть лет? В этих случаях слово «нет» может и не прозвучать, ведь, произнесенное вслух, оно может стать спусковым крючком агрессии и усугубить страдания жертвы.

Модель «Да значит да»

Учтя недостатки формулы «Нет значит нет», активисты предложили новую модель определения границ насильственного воздействия — «Да значит да».

В этой модели взаимодействие считается допустимым только тогда, когда все его участники выразили явное и осознанное согласие с его содержанием и формой.

Таким образом, границы определения насилия снова сдвинулись. Теперь под него подпадают, например, сексуальные действия взрослого человека с женщиной, лежащей в коме, или с малолетней девочкой (в первом случае из-за невозможности дать явное согласие, а во втором из-за недостаточной осознанности решений, принимаемых ребенком).

Новая формулировка дает возможность разграничить не только физическое, но и психологическое воздействие.

Яркий пример насильственной коммуникации, происходящей без реального контакта участников, — феномен дикпиков, когда мужчины без запроса отправляют адресату фотографии гениталий.

В парадигме культуры насилия это действие называют шуткой (в лучшем случае с оговоркой «возможно, она неудач-